

И. В. Ащеулова

СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА КАК ФОРМИРОВАНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ ПОКОЛЕНИЙ В РОМАНЕ В. ШАРОВА «СЛЕД В СЛЕД»

Рассматривается первый роман современного русского писателя В. Шарова «След в след» (1991). Создавая вымышленную хронику четырех поколений рода Крейцвальдов и вписывая его судьбу в течение русской истории XX в., автор исследует механизмы движения и повторы истории. В статье исследуется авторская стратегия обнаружения и анализа текстов представителей рода Крейцвальдов. Автор реализует единственную возможность обретения бессмертия индивидом и родом через восстановление потомками памяти о предках.

Ключевые слова: *В. Шаров, хроника, русская история, псевдоистория, тексты, память.*

В современном русском литературном процессе В. Шаров прочно занимает место интеллектуального писателя, занимающегося созданием художественных квазиисторических, альтернативных версий событий русской истории XX в. Художественный мир Шарова индивидуален и заслуживает самого пристального анализа со стороны литературоведения. В данной статье мы попытаемся рассмотреть композицию первого романа Шарова «След в след», представляющую собой различные тексты, соединяющиеся в вымышленную хронику одной семьи, судьба которой вписана в течение истории России XIX–XX вв. Роман «След в след» писался в конце 1970-х – начале 1980-х гг., опубликован в журнале «Урал» в 1991 г. Роман начинает сюжет увлечения Шарова русской историей, продолжившийся в последующих шести романах, последний из которых «Будьте как дети» опубликован в 2008 г.

Роман «След в след» имеет подзаголовок, отсылающий к определенной жанровой традиции в мировой литературе: «Хроника одного рода в мыслях, комментариях и основных датах». Хроника (греч. *chroniká* – летопись, от *chronikós* – относящийся ко времени, к летосчислению), литературный жанр, содержащий изложение исторически достопамятных событий в их временной последовательности. В центре хроники – время как субъект исторического процесса и судьбы и действия людей подчинены ходу времени [1]. Как художественный прием в романе, хроника рода Шейкеман-Крейцвальдов позволяет проследить судьбу четырех поколений одной семьи в историческом времени XX в. и раскрывает, с одной стороны, проблему подчинения/сопротивления человека-индивида истории-времени, с другой – проблему ценностных отношений между поколениями. Три составляющих элемента хроники (мысли, комментарии, основные даты) формируют два уровня сопричастности рода и человека историческому времени: это горизонтальный уровень (хроника событий, *основные даты* жизни членов рода) – вписанность рода в историко-социальный контекст русской жизни, проявление

физической реальности истории в развитии рода; вертикальный уровень (*мысли и комментарии*) – вписанность рода в метаисторический контекст, проявление метафизичности истории, формирующей связи рода с бытием, Богом, памятью и прапамятью, определяющей историческое и экзистенциальное самосознание, родовую и индивидуальную ответственность. Данный уровень формирует и авторскую концепцию восприятия истории, и места человека в ней. Зададимся целью проанализировать взаимодействие выделенных уровней в структуре романа В. Шарова «След в след».

Роман имеет сложную метатекстовую структуру, строится как ряд разнообразных текстов представителей рода Крейцвальдов. Этимология фамилии может быть предположительно связана с словенскими и немецкими корнями: *krês* слов.; *кръст*-слав. – оживление, воскрешение [2, с. 372]; *wald* (нем.) – лес. Очевидно проявляется семантика мирового или родового (генеалогического) древа, где каждый в роду имеет свою ветку-положение и может дать побеги и листья, но имеет один корень. В свою очередь роды объединяются в лес, представляющий как общечеловеческое родовое начало. Подобная мифологическая семантика и символика фамилии отсылает к заявленной проблематике ценностных отношений между родом и историей, человеком и родом, человеком и историей. Развитие проблемы в романе обнаруживается в мотивах следа, текста-следа, памяти. Писание и чтение текстов – продуктов человеческой индивидуальной мысли, создают прерывистую, искажаемую духовную преемственность, формируют избирательную человеческую память, свидетельствующую и о тупиках мысли, и о забытых в прошлом ценностях. Обнаружить исчезающие ценности, пройти по следу рода, сформировать историческую память как личностное самознание – задача повествователя романа, автора и читателя.

Повествование начинается с личного признания рассказчика – Сергея Петровича Колоухова, с 1979 г. начавшего собирать в хронику разрозненные тексты: записки, заметки, воспоминания, исто-

риософские труды, очерки и рассказы – принадлежащие вымершей семье Крейцвальдов. Эта работа начинается после смерти приемного отца Сергея – Федора Николаевича Голосова, в архиве которого и обнаруживаются тексты. Подлинным автором хроники оказывается сам Федор Николаевич – последний отпрыск рода, усыновленный в младенчестве семьей авиаконструктора Голосова после ареста родителей в 1937 г. Федор, выросший Голосовым, узнает о своей настоящей семье только в 1956 г., в возрасте 20 лет. С этого момента в его жизни, в его внутреннем мире начинается настоящий раскол, длящийся год, в течение которого он пытается обнаружить хоть какие-то следы родителей и старших братьев. Эти розыски ни к чему не привели, и Федор решает уехать из Москвы, уйти из семьи Голосовых, чтобы не только понять кто он, но и попытаться обнаружить хоть какие-то следы своей семьи. Так возникает провинциальный Воронеж, где Федор Николаевич прожил семь лет и где он начал собирать и писать хронику своего исчезающего рода. С одной стороны, архив Федора Голосова-Крейцвальда представляет собой собранные свидетельства о жизни и личности того или иного представителя рода, это горизонтальный уровень присутствия отдельного человека и семьи в историческом времени, собственно хроника. С другой стороны, в архиве есть тексты, созданные членами рода, это тексты-следы, по которым движется Федор Николаевич, а за ним и Сергей, в них зафиксированы мысли, комментарии, оценки, внутренний мир прадеда, бабушки, брата. В текстах обнаруживается вертикальный, или метафизический, уровень существования человека во времени, когда в мыслях и текстах проявляются отношения человека с Богом, историей, бытием. В контексте метафизического мышления меняется восприятие истории как линейного прогрессивного процесса и обнаруживаются тупики, загадки, повторы. Индивидуальные тексты не отменяют историческое событие-факт, но заменяют его собой, дают иную версию, иной смысл, иное толкование, предполагают иной ход события. В подобной авторской стратегии мы сталкиваемся с постмодернистским скепсисом по отношению к логике развития истории и попыткой обнаружения доли исторической истины в свидетельствах людей, оставшихся за пределами официальной истории. Таким свидетельством времени и является хроника одного рода Крейцвальдов, на себе испытавшего разрушительную силу исторических событий XX в. Рассмотрим вначале горизонтальный уровень.

Главным сюжетом-мотивом, определяющим существование рода в истории XX в., является мотив смены имени как смены судьбы в результате крещения, усыновления или замужества. Первым, кто

отважился сменить имя и тем самым отказаться от прежней семьи и жизни, является Петр (Симон) Шейкеман, прадед Федора со стороны бабушки. Хроникально-биографическая канва жизни Шейкемана включает несколько основных моментов, отражающих временную перспективу русской истории конца XIX – начала XX в. Петр родился в семье бедного белорусского еврея Моисея Шейкемана, известного своим голосом, который у него пропадает вследствие болезни, что ставит и без того бедную зависимую семью в условия невыносимые. После учебы в хедере Петр вынужден пойти в солдаты за другого человека, чтобы хоть как-то покрыть долги семьи. Обида на несправедливое отношение семьи и участие в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг., оборона Шипки, два солдатских Георгия и два серьезных ранения провоцируют крещение Петра в православную веру. Крестным становится знаменитый «белый генерал» М. Скобелев. Героизм и крещение, раздутые столичными газетами, делают Петра Шейкемана идеальным образцом для имперской пропаганды ассимиляции евреев в Российской империи. Однако Петр не старается извлечь выгоду из славы, под воздействием духовного наставника он заканчивает семинарию, женится и получает приход, в 1884 г. рождается дочь Ирина, которой Шейкеман после смерти жены посвящает оставшуюся жизнь. В 1898 г. Ирина выйдет замуж за русского немца, инженера Иоганна Крейцвальда, в 1900 г. родится сын Федор, в 1901 г. умрет Шейкеман. Таким образом, хроника жизни выкреста Петра Шейкемана фиксирует возможности вхождения евреев в иной род посредством отказа от своей родовой принадлежности, веры и имени.

Хронология жизни Ирины (1884–1924) связана с рубежом веков и победой русской революции. Ирина оказывается тем сосудом, в котором переплетаются совершенно противоположные крови, роды, традиции (русская мать и еврей отец). Особенности своего характера: нервность, экзальтированность, повышенная чувственность, раздвоенность (наблюдалась у профессора Ганушкина) – Ирина олицетворяет время рубежа как время сомнений, отрицаний, богоискательства, нетерпения. Ирина до и после замужества остается холодна в чувствах, главное ее желание и в детстве, и в молодости – уйти в монастырь, посвятив себя служению Христу. И эта холодность связана с глубинными духовными процессами, происходящими в Ирине. Однако после рождения сына в ней просыпается чувственность, появляются многочисленные любовные связи, «жизнь втроем», увлечение теософией (хроникер упоминает о переписке Ирины с Блаватской). Эта раздвоенность тела и души привела к потере цельного личностного начала,

Ирина не смогла примирить в себе две крови, два Завета, в конечном итоге, уйдя из семьи, она разрушила и цельность единственного сына, страдавшего раздвоением личности.

Годы жизни Федора Иоганновича Крейцвальда (1900–1961) как следующего поколения рода в хронике страны отражают три периода: период становления новой жизни и государства (1917–1936) – Федор – инженер, необходимый власти, в это время он удачно женится, рождаются трое сыновей, обретается личное счастье; период политических репрессий (1937–1953) – Федора и его жену Наталью арестовывают в августе 1937 г.; период реабилитации (1953–1961), когда Федор пытается вернуться домой, в семью, но, не найдя никого в живых, возвращается в Заполярье. Федор Иоганнович как представитель поколения 1900-х гг. в хронике не оставляет после себя ни одного слова, письма, ни одного текста, это след, ведущий в смерть, без возможности воскрешения.

Следующее поколение Крейцвальдов представлено тремя братьями: Николаем (род. в 1925), Сергеем (род. в 1927), Федором (род. в 1937), детьми Федора Иоганновича и Натальи Дмитриевны Крейцвальдов. Младшего Федора, после ареста родителей, усыновил двоюродный брат Натальи Николай Голосов, Николая и Сергея арестовали в октябре 1938 г., и они разделили участь многих миллионов «детей врагов народа». Николай после побега из детдома попадает в лагерь, затем штрафбат. Сергей в хаосе первых военных месяцев при эвакуации детдома оказывается в Курганской тюрьме, где в 1942 г. получает новый срок 12 лет и отбывает его в лагере под Новокузнецком. Николай после войны и контузии поселяется в Гудаутах, где и умирает в 1960 г. от сердечного приступа. Сергей освобождается в 1954 г., оказывается в Пензе, где, примерно с 1957 г. до самоубийства в 1960 г., является пациентом психиатрической больницы. У Николая остается трое детей, которые будут усыновлены, сменят фамилию и забудут отца и его род, у Сергея детей не останется. Таким образом, в развитии рода эти следы обретают значение потерянных. Единственным наследником рода становится младший сын и брат Федор, который и пытается в своих мыслях и собственных текстах восстановить утраченные следы. Показательно, что юридически Федор не является Крейцвальдом, он Голосов, и в этом нет его вины (в отличие от вины прадеда, сознательно отказавшегося от рода и имени), это вина времени, сложившихся обстоятельств, социума, но неотступное ощущение собственной вины в исчезновении рода заставляет Федора моделировать, придумывать, описывать возможные ситуации, мысли, разговоры исчезнувшей семьи, как целой страны, материка, в этом он как последнее зве-

но рода соединяется со своим прадедом Петром Шейкеманом и пытается обрести тот же уровень мышления, что и прадед.

Так из конкретного хроникально-исторического контекста, представляющего довольно обычную историю практически любой советской семьи в 1930–40-е гг., формируется метаисторический, архетипический сюжет нарушения сакрального завета одним из членов рода, последующего осознания вины, одиночества и обретения индивидуального исторического сознания, позволяющего воскресить память о предках в создании текстов, становящихся неоспоримыми свидетельствами и доказательствами существования исчезнувшего рода в катастрофическом времени. С этой точки зрения Федор, потерявший след родителей и ставший чужим сыном, оказывается гораздо ближе к повторному обретению семьи, нежели Николай и Сергей, сознательно выбравшие арест как попытку следования за родителями и их судьбой: «Но жить постарому было нельзя. Нельзя было жить так же, как при них, когда их уже не было. Через неделю после ареста отца и матери от ребят во дворе, и сами они уже знали, что их ждет. Знали, что их отправят в спецдетдом, что спецдетдом – это лагерь для детей, лагерь-школа, и, когда они вырастут и окончат его, их, скорее всего, переведут во взрослый лагерь, может быть, в тот же, где сидят отец и мать. Они пойдут за своими родителями, что это правильно, что так и должно быть, потому что родители всегда любят, когда дети идут их путем. Они понимали, что сейчас им важнее всего быть хотя бы на шаг ближе к родителям, а в спецдетдоме они будут ближе и жить будут почти так же» [3, № 6, с. 54]. Они последовали за родителями в надежде догнать, пойти «след в след», но время свернуло их с дороги рода, они либо забывают (как Николай), либо сознательно уходят по другим следам (как Сергей).

В метафизическом контексте присутствия человека во времени жизнь Николая представляется бесплодным, бессмысленным круговоротом, вращением карусели, на которой он работал билетером. Потеряв след семьи после ареста родителей, став «сыном врагов народа», Николай за свою короткую жизнь уже не обретет настоящей опоры и создание собственной семьи будет считать ошибкой. Страх как ощущение тотального одиночества, оставленности, ненужности сопровождал Николая всю жизнь. Страх ареста, детдома, смерти на войне, страх перед начальством рождает в Николае не только понимание несправедливости времени, но и чувство безнадежности, бессмысленности протеста и изменения жизни. Это ощущение сформировалось в Николае в первые дни тюремного заключения, когда «воронок» отвез его с братом в районное отделение милиции, где они просидели три

дня, «они сразу поняли, что все определилось, что от них ничего не зависит и что бы они не делали – ничего не изменится. Это было чувство, что все идет так, как может и должно идти, что ничего делать не надо...» [3, № 6, с. 55]. Росший и формировавшийся вне родовых ценностей, проживший всю жизнь в атмосфере страха и несправедливости (инвалидность, безработица, отсутствие государственной помощи, собственная низкая самооценка) Николай в философском метаисторическом дискурсе романа воплощает судьбу человека, потерявшего основы и смыслы существования в бытии. Он оказывается вне контекста хроники рода и даже на материально-биологическом уровне продолжения рода жизнь Николая является бесплодной, так как дети после смерти отца усыновляются другим человеком, получают иную фамилию и входят в ценностные ориентиры другого рода.

Иное значение и направление получает жизнь Сергея. В хаосе первых месяцев войны он оказывается в Курганской тюрьме, в одной камере с эсерами: «Тюрьма была переполнена, что делать с мальчишкой никто не знал, документов никаких, кто он и за что сидит, тоже непонятно, штрафбат отпадал – на вид ему было никак не больше тринадцати лет, вокруг города, как на грех, ни одной колонии... его перевели к эсерам, в самую пустую камеру тюрьмы, и так же, как о них, на полтора года забыли» [3, № 7, с. 33]. Год жизни с эсерами становится для Сергея своеобразной инициацией, он как бы отступает, предаёт завет собственного рода, забывает о родителях и обретает новый завет и род. Для эсеров, ожидающих смерти, Сергей не только воплощает образы их существующих и возможных детей, но и выступает судьей их жизни, идей, поступков: «Эти рассказы и воспитали Сергея, и я думаю, что он был в большей степени сыном эсеров, чем Наты и Федора» [3, № 7, с. 34]. От новых отцов-учителей Сергей получает разнообразные знания об истории партии эсеров, о политической программе, об идеях и идеалах. Пытаясь сохранить этот след в русской истории и истории революции, после освобождения Сергей начинает писать энциклопедию народничества. Обратим внимание на то, что Сергей опирается на два вида источников: с одной стороны, это подлинные документы эпохи, хроника возникновения и развития «Земли и воли» (газеты, выходившие с 1955 г., журналы «Былое», «Современная летопись», «Каторга и ссылка», книги и мемуары); с другой стороны, это устные предания, передающиеся из уст в уста, от отца к детям, от более старших товарищей по партии к более младшим и фиксирующие судьбу движения. Именно на записи устных преданий делает акцент Сергей, для этого он полгода ездил по России и записывал, создавал текст-свидетель-

ство о жизни и судьбе народников. Сергею и его помощникам удалось дойти в хронике до 1905 г., собрать большую библиографию о движении, восстановить многие имена забытых и канувших в небытие людей, так восстанавливалась справедливость и память о человеке, который боролся и погиб за счастье других людей. В подобной работе огромная заслуга Сергея, он оказался достоин памяти тех названных отцов, что в 1942 г. принимали его в партию эсеров и завещали ему знание. На философском метаисторическом уровне в эпизоде собирания Сергеем энциклопедии обнаруживается проблема ценностных отношений между поколениями. Сергей забывает свой род, но не отказывается от знания старших как возможности обрести себя в контексте большого исторического времени, в этом проявляется традиционалистский принцип культуры как следование сына, ученика, послушника воле отца, авторитету старшего, учителя, вождя, Бога. При этом принцип авторитета акцентирует значение экзистенциального, личного выбора, когда сын, не отрекаясь от ценностей отцов, продолжает их идеи смыслами, возникшими в новом круге его индивидуального бытия. Поэтому Сергей интересен в хронике Крейцвальдов не только как последователь эсеров, но и как интерпретатор их учения, попытавшийся соединить идеологические искания народовольцев и личностные религиозные искания. «У Сергея уже был свой взгляд на Христа... Сергей по-прежнему считал, что Христос был, пожалуй, самым великим народным вождем, и то, что хотел дать людям Христос, нужно им сейчас... <...> Единственное, что казалось ему несправедливым и с чем он не мог примириться – это с идеей первородного греха, с идеей изначальной греховности и виновности человека и с тем, что Христос пришел в мир, чтобы на кресте искупить человеческие грехи и очистить людей» [3, № 7, с. 47]. От несогласия, нетерпения зла и греха, от сознания собственной силы и возможностей изменить существующий порядок Сергей в отделении хроников пензенской психиатрической больницы ставит эксперимент, доказывая себе, окружающему социуму и, главное, учителям, соратникам по партии, возможность искоренения зла, осуществления революционных идей эсеров на практике, торжества христианского добра. Столкновение чистого учения и идеи с недолжной реальностью, по мысли Сергея, борьбы добра со злом приводит не только к победе добра (в результате грамотно спланированных Сергеем мероприятий руководство больницы выполняет все требования больных: прекращаются побои, улучшается питание), но и к торжеству зла, так как в основу благоденствия положена человеческая жертва (убийство отца и сына Левиных – явная параллель

с образом Сергея Нечаева). Воплощая в реальность сюжеты и схемы народовольческого движения (Сергей Нечаев и убийство Иванова, судьба Николая Васильевича Клеточникова, теория «двойного предательства», провокация 6 июля 1918 г.), Сергей доказывает прежде всего себе жизнестойкость идей народовольцев. Но хроникер фиксирует ложность пути Сергея, следствие которой – самоубийство в момент психического выздоровления. В повторяемости исторических ситуаций, обнаруживаемых в больничном бунте, проявляется авторское восприятие истории как «дурной бесконечности», разрушающей человеческую индивидуальность, отнимающей личную свободу, лишаящей личностного мышления. В сюжетной линии Сергея Шаров предупреждает об опасности исторических экспериментов, провоцируемых утопическими идеями, усиленными авторитетом отцов (учителей), которому рабски следуют дети.

Итак, единственным сыном и братом, способным найти родовой след в истории, становится Федор Николаевич Голосов (Федор Федорович Крейцвальд). Во-первых, Федор Николаевич, ощущая невольную вину перед родителями и одиночество, попытался восстановить историю, опыт, знания, мысли рода в документально-хроникальных записках, где каждому представителю рода отводится своя папка, своя летопись. Во-вторых, Федор попытался вступить в диалог с предками, прадедом и отцом, сочиняя собственный роман о вымышленной семье, повторяющей судьбу Крейцвальдов во времени и истории XX в. Федор как писатель проявил редкую изобретательность, создавая, достраивая в сознании и тексте свои отношения с родными, которых он не знал и не помнил. Его тексты (рассказ «Важное задание», роман «Путешествие Джона Крафта», глава «История моего рода», эссе «Семейная революция») часто заменяют или подменяют обстоятельства жизни реальных родных, позволяют обрести ощущение памяти, понимание себя частью большого рода. «Его близкие все гуще окружают и защищают его, и он перестает быть тем одиноким и ото всех отошедшим человеком, каким был в жизни. Он становится частью длинной-длинной семьи, такой большой и сильной, что пресечь ее не могут ни гонения, ни смерти» [3, № 7, с. 59]. Таким образом, моделируя художественный мир своих текстов, выстраивая схемы, каркасы, острова, народы своего мира, Федор создает новую реальность своего рода, преодолевающего смерть, исчезновение, обретающего слово. Так проявляется авторская стратегия, исходящая из постмодернистского ризоматического письма. Тексты Федора не только заменяют ему утраченную реальность («мир как текст»), но и позволяют восстановить память, обрести духовный опыт, от-

крыть часть истины, скрываемую историей. Текст предстает комментарием реальности, в котором проявляется понимание человеком своего места в истории и бытии. По словам самого В. Шарова, «есть текст, и есть жизнь. Наше бытие не простое повторение, а комментарий, попытка понимания и собственной жизни, и жизни тех, кто нам предшествовал. Мир представляется мне столкновением большого количества разных правд. У всех есть свои основания и резоны. Столкновение этих монологических правд и есть моя сфера. Я не пишу одну правду, мне это неинтересно» [4].

Важно, что авторская маска Федора Николаевича в его текстах связана с образом переводчика. В романе некий журналист, живущий в провинциальном городке Нанкове, спасает из огня рукопись путешественника Джона Крафта и переводит на русский язык. В рассказах безымянный журналист, разбирая архив отца и деда, «переводит» их мысли в собственный текст-комментарий настоящей реальности. Так появляются «Семейная революция» и «Психология русской истории». Образ переводчика значим для творческого мышления Федора Николаевича. Повествователь Сергей, знакомясь с архивом своего приемного отца, отмечает, что ближе к финалу жизни Голосов полностью отказался от авантюрно-приключенческой линии в романе о Крафте и отдал повествование переводчику. Подобная авторская стратегия позволяет предположить, что через «перевод» Федор Николаевич пытался обнаружить следы своего рода, а значит, и себя в общеисторическом, онтологическом процессе развития человеческого рода. Отсюда такое пристальное внимание к русской истории, ее механизмам движения, причинам и следствиям событий, всему тому, что приближает Федора Николаевича к размышлениям прадеда Петра Шейкемана. Исследование «Психология русской истории», написанное Федором Крейцвальдом на основе размышлений его прадеда Петра Шейкемана и прочитанное, осмысленное приемным сыном Федора Сергеем, замыкает семейную хронику Крейцвальдов и обнаруживает возможность обретения и индивидуального понимания потомками смыслов, идей и текстов предков. Жизнь представителя рода как индивида, взятая отдельно (дерево), по мысли автора, пропадает в беге времени, не оставляя после себя видимого следа (можно не найти могилу, потерять документы). Отдельную жизнь не поймешь, так как она слишком коротка. Но жизнь всех членов рода (лес) и на горизонтальном, и на вертикальном уровне присутствия человека в истории, формирует понимание русской истории, где общеисторические события приобретают смысл через интерпретацию тех же событий в жизни рода.

Список литературы

1. Эпштейн М. Хроника // БСЭ. URL: <http://dic.academic.ru/contents.nsf/bse>
2. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М.: Прогресс, 1986. Т. 2.
3. Шаров В. След в след (Хроника рода в мыслях, комментариях, основных датах). Роман // Урал. 1991. № 6–8.
4. Интервью В. Шарова Н. Кириллову для газеты «Частный корреспондент» 18 декабря 2009 года. URL: http://www.chaskor.ru/article/vladimir_sharov_ya_lyublyu_bumagu__13558

Ащеулова И. В., кандидат филологических наук, доцент кафедры.

Кемеровский государственный университет.

Ул. Красная, 6, Кемерово, Россия, 650043.

E-mail: asheulova@mail.ru

Материал поступил в редакцию 15.06.2012.

I. V. Asheulova

FAMILY CHRONICLE AS FORMATION OF HISTORICAL MEMORY OF THE GENERATIONS IN THE NOVEL “WALK IN THE TRACKS” BY V. SHAROV

The article deals with the first novel of the contemporary Russian writer Vladimir Sharov’s “Walk in the Tracks” (1991). Creating a fictional chronicle of four generations of Kreutzwald and entering his fate for the Russian history of the twentieth century, the author investigates the mechanisms of movement and repetition of history. In this article the author’s strategy is to detect and analyse the texts of the genus Kreutzwald. The author realizes the only way to gain immortality of the individual and the species by restoring the memory of the descendants of the ancestors.

Key words: *V. Sharov, chronical, Russian history, pseudo-history, texts, memory.*

Kemerovo State University.

Ul. Krasnaya, 6, Kemerovo, Russia, 650043.

E-mail: asheulova@mail.ru